

Легенда

Текст сверен с изданием: А. И. Куприн. Собрание сочинений в 9 томах. Том 4. М.: Худ. литература, 1971. С. 304 - 306.

Высокий, худой и длинноволосый человек, в лице которого странно соединялась бледность голодной и нечистой жизни со строгой глубиной плачущего вдохновения, заиграл на скрипке. Это был торжественный, сказочный мотив -- то жалобно-прекрасный в верхних нотах, то звучащий мрачной скорбью в басах. И было в нем что-то средневековое, безнадежное, изысканно-слащавое, жестокое, длительное и страшное.

Меценат, хозяин дома, в красном халате, с блуждающими, безумными, огромными светлыми глазами, встал и, притворяясь озаренным восторгом творчества, начал импровизировать. И при этом рассчитанно-неверными, широкими, капризными движениями рукавов он опрокидывал на мокрую скатерть бокалы и рюмки.

-- Это было давно...-- говорил он, закрывая глаза, трясая головой и поднимая подбородок вверх, и у него выходило: "эття былля дэвно...", хотя он был русский, из хорошей дворянской фамилии, из правоведов.

-- Это было давно!.. О, как давно это было! Много веков прошло... О, как много веков... И об этом забыли. Это было страшно давно...

Тогда вдруг встал человек, до сих пор молчавший, почти никому не знакомый; кто-то привел его и даже не позаботился назвать его фамилию. Он был плохо одет, широкоплеч, мал ростом, вульгарен, со смешной конторской прической ежиком.

-- Позвольте мне, -- сказал он умоляющим голосом. И меценат, паясничая, пятясь назад, согнувшись в поясице, размахивая руками от груди к земле и назад, ответил клоунски вежливым тоном:

-- О, пожж-ж-жалуйста...

-- Начните сначала, -- строго сказал вульгарный человек скрипачу.

Только одним взглядом обменялись они со скрипачом, и незнакомец начал вместе с первыми звуками скрипки.

Это было давно. Много с тех пор погибло старых родов и много разрушилось замков.

Тогда старый замок стоял еще на скале среди озера. И знали все вокруг, что озеро это бездонно, замок неприступен, а длинный железный мост на огромных блоках подымается на ночь.

Король изредка писал письма владельцу замка, называл его кузеном и предлагал ему титулы и почести. Но гордый князь, вместо благодарности, вешал королевских послов на зубцах своих башен. Он никого не боялся. Замок его был неприступен, и припасов в нем всегда могло бы хватить на десять лет.

Князь был знатен, силен и безумно смел, хотя и было ему шестьдесят лет. С веселым орлиным криком, страшный в кровавом свете смоляных факелов, мчался он впереди своих воинов ночью через мост, и внизу плескались волны, и стук лошадиных копыт раздавался как плеск. Тогда пылали деревни, плакали женщины, и богатые обозы купцов брались как добыча.

Никто не знает, зачем он женился. Разве мало ему было красивых дочерей его вассалов? Разве не выдали бы за него любую дочь из богатого древнего рода? Он праздновал дикую, кровавую свадьбу, пил вино, бросал челяди горстями брильянты и огромными, страшными, бесцветными глазами глядел на молодую жену. Она была дочерью скромного художника.

Прошел длинный год, и еще один, и еще один. Бледнела молодая жена, страшнее и бессоннее становились глаза князя. Пылали по ночам деревни. И у женщин, осужденных на смерть, одичалые псы выгрызали внутренности.

Тысячи глаз стерегли прекрасную женщину. Но была одна пара глаз, которая глядела на нее с нежной страстью и говорила ей: "Вот моя жизнь. Возьми, если нужно. Я люблю тебя!.."

Однажды, -- так говорит темное предание,-- князь возвратился с охоты и застал молодого пажа,